

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

Они
и за линией
фронта —
как дома

РАЗВЕДКА

41 ГО

ЧЕРНЫЙ СНЕГ
ВЕРМАХТА

Фронтовая разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова

Александр Тамоников

Черный снег вермахта

«ЭКСМО»

2023

Тамоников А. А.

Черный снег вермахта / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2023 — (Фронтовая разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова)

ISBN 978-5-04-185959-6

Советские войска готовят наступление в направлении Харькова. Для уточнения оперативной обстановки во вражеский тыл забрасывается разведгруппа во главе с капитаном Глебом Шубиным. Опытному разведчику удастся перехватить немецкого связиста и, переодевшись в его форму, устроиться в германском штабе. Добытые таким образом сведения помогают нашему командованию в подготовке предстоящей операции. Неожиданно приходит известие, что в район боевых действий прибывает высокое начальство рейха. Понимая, что может быть разоблачен в любой момент, Шубин тем не менее решает задержаться в германском тылу...

ISBN 978-5-04-185959-6

© Тамоников А. А., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Александрович Тамоников

Черный снег вермахта

© Тамоников А.А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Бойцы, столпившиеся на площадке возле железнодорожного депо Ростова, поздравляли друг друга с победой: только что пришло сообщение, что немецкие войска оставляют город. Это означало, что Красная Армия выиграла битву за Кавказ.

Капитан Глеб Шубин, услышав эту новость, испытал огромную радость. «Вот и кончилось наше сражение за Ростов, – подумал он. – Теперь точно можно будет отдохнуть. Полковник Уколов грозился дать мне трехдневный отпуск. Теперь я от него отказываться не буду. Надо будет отыскать Катю Измайлову... Последнее письмо от нее пришло из Котельникова. Что ж, съезжу в Котельниково, это недалеко. Но прежде надо будет себе форму подыскать...»

Дело в том, что Шубин отправился сражаться за Ростов сразу после своего бегства из немецкого плена. Бежал он в форме лейтенанта, которую ему дали немцы. И до сих пор носил лейтенантские погоны. Он считал, что в бою это совсем не важно. Но вот теперь настало время позаботиться о своем внешнем виде.

Так Шубин размышлял, стоя среди солдат своей роты, когда на площадку перед депо въехал «Виллис». В машине сидел незнакомый Шубину лейтенант. Выйдя из машины, лейтенант строгим голосом спросил:

– Кто здесь капитан Шубин? Мне срочно необходимо его видеть.

Поскольку Шубин раньше не видел этого человека в штабе Южного фронта, да и «Виллиса» такого у генерала Еременко не было, он удивился. Однако шагнул вперед и сказал:

– Я Шубин. Какое ко мне дело?

Приезжий лейтенант окинул разведчика цепким взглядом. Он сразу заметил на его погонах скромные лейтенантские, а не капитанские звездочки, заметил поношенную, кое-где порванную форму, кровавый след на щеке (Шубина все же задело пулей, когда их обстреливали во время атаки). И в то же время он отметил уверенность разведчика, его бывалый вид.

– Я лейтенант Соколов, адъютант командующего отдельной танковой группой Юго-Западного фронта генерала Попова, – представился приезжий. – Относительно вас, товарищ капитан, издан приказ, подписанный вашим командующим фронтом генералом Еременко. С этого момента вы переводитесь с Южного фронта на Юго-Западный и поступаете под командование генерала Попова. И мне поручено проводить вас на новое место службы.

Удивлению Шубина не было предела.

– Что значит «новое место службы»? – спросил он. – И почему меня нужно туда провозить? Я и сам могу добраться до штаба фронта. Только сначала мне нужно увидеться со своим начальником полковником Уколовым. Да и с командующим фронтом генералом Еременко неплохо бы повстречаться, хотя он меня и передал на другой фронт. Он говорил, чтобы я лично доложил ему о выполнении своего задания в Ростове. А я не доложил, не успел...

– Ни с Уколовым, ни с Еременко вам повстречаться не удастся, – категорически заявил Соколов. – Я не могу вам обо всем сейчас рассказывать, тут дело секретное, тем более у нас с вами совсем нет времени. Генерал Попов требовал, чтобы мы уже через два часа были у него в штабе.

– Как это – «через два часа»? – удивился Шубин. – Даже если мы поедem на твоей машине, все равно полдня будем ехать...

– Нет, мы поедem не на машине. На машине мы доедем только до аэродрома. А там нас ждет «Дуглас», который и доставит нас в Купянск. У нас каждая минута на счету!

– Но почему такая срочность?

– Этого я вам сказать не могу, – твердо сказал Соколов. – Это военная тайна. Вы же разведчик, должны знать, что такое военная тайна. Необходимые сведения вам сообщат на месте.

Да, что такое тайна, Шубин знал хорошо. Только теперь до него стало доходить, какая важная перемена происходит в его жизни. Спорить, возражать дальше уже не имело смысла. Шубин только указал на свои лейтенантские погоны, сказал:

– Может, я хотя бы форму успею сменить? А то представляться новому начальству в таком виде как-то неудобно...

– Где же вы ее здесь смените? – удивился Соколов. – Ваш фронт за двое суток почти сто пятьдесят километров прошел, тылы отстали. Тут неизвестно, когда кашу для солдат успеют подвезти, а вы говорите «форма». Вот на место прибудем, там и переоденетесь. Не беспокойтесь: в таком виде я вас к командующему не поведу. Генерал Попов, правда, не такой аккуратист, не требует, чтобы во время боя у подчиненных все пуговицы были начищены. Но все равно расхлябанности он не любит.

– Понятно... – протянул Шубин.

Сказанное приезжим лейтенантом ему, в общем, пришлось по душе. Подход к дисциплине его нового начальника генерала Попова ему нравился. Шубин встречал на войне таких аккуратистов, которые требовали соблюдения всех правил, что бы ни творилось вокруг. Возможно, такая твердость заслуживала уважения, но ему был ближе другой стиль: парадная одежда – для парада, а в боевой обстановке хорошо, если успел штаны надеть. В этом вопросе он полностью сходиллся с точкой зрения командующего Южным фронтом генерала Еременко.

– Ладно, если нельзя переодеться, – сказал Шубин, – то надо хотя бы сдать командование ротой. Не могу же я людей бросить!

И, не дожидаясь ответа приезжего, он подошел к сержанту Рябову и сказал:

– Такие дела, сержант. Придется тебе принять командование ротой. Я срочно убываю на новое место службы, а лейтенанта, как ты сам мне сказал, только что убили. Доложишь комполка майору Зорину, почему так вышло. А уж он решит, оставить тебя во главе роты или надо прислать офицера. Прощай!

Они с Рябовым крепко пожали друг другу руки. Недолго они воевали вместе – и суток не прошло. Но на фронте люди быстро сближаются. Вот и Шубин чувствовал привязанность к сержанту Ивану Рябову. Кроме того, он понимал, что уже не успеет попрощаться ни с кем из тех, с кем воевал здесь уже полгода. Так что в лице сержанта Рябова он попрощался со всем Южным фронтом.

Прощавшись с сержантом, Шубин сел в машину и сказал:

– Ну, я готов.

Соколов тоже сел на свое место и дал водителю указание:

– На аэродром.

Машина развернулась и поехала по направлению к аэродрому Ростова. Когда они приехали на аэродром, Соколов дал водителю указание выехать непосредственно на летное поле и подъехать к самолету.

– А к какому мне самолету подъезжать, товарищ лейтенант? – спросил водитель. – Тут их вон штук восемь...

– Тебе нужен транспортный «Дуглас», готовый к взлету, – объяснил Соколов. – То есть у которого уже винты вращаются.

Водитель немного проехал по полю аэродрома, а затем радостно воскликнул:

– Вижу такой самолет! Вот он!

– Поезжай к нему, – скомандовал Соколов. – Прямо к трапу. Когда мы сядем, ты тоже езжай в Купянск, только своим ходом на автомобиле. К завтрашнему утру жду тебя в штабе. Ясно?

И, отдав все необходимые распоряжения, адъютант командующего танковой группой вышел из машины и направился к трапу самолета. Шубин шел за ним. Поднимаясь на борт

«Дугласа», он старался вспомнить, когда ему в последний раз доводилось летать на самолетах. Давно же это было! Пожалуй, в 1941 году...

Когда два офицера вошли в самолет, то обнаружили, что, кроме них, этим бортом полетят еще несколько человек. В основном это были офицеры-танкисты. А в грузовом отделении Шубин заметил запчасти для танков и «катюш», из чего он сделал вывод, что не только его одного спешно перебрасывают с Южного на Юго-Западный фронт. «Кажется, там, на этом фронте, предстоят какие-то важные дела, – размышлял он. – Стало быть, это хорошо, что меня туда переводят, хотя и не спросив на этот счет моего мнения, ничего не рассказав».

В нем нарастало радостное возбуждение, которое он всегда испытывал, если предстояло какое-то важное и опасное дело. Ведь не будут же его, опытного разведчика, просто так спешно перебрасывать с фронта на фронт! Значит, главные военные события в ближайшее время произойдут здесь, на Осколе и Северском Донце, а не на берегах Дона и Азовского моря.

В Купянск они прилетели уже под вечер. Поскольку с машиной лейтенант Соколов расстался в Ростове, Шубин предполагал, что на новом месте им придется тащиться до штаба на своих двоих. Впрочем, его это ничуть не пугало – он привык много ходить пешком.

Однако оказалось, что он ошибся. Когда они вышли из самолета, то обнаружили ожидавшую их машину – на этот раз «Бьюик». «Вот это да! – подумал Шубин. – Неплохие ресурсы у них тут собраны!»

Машина повезла их по улицам Купянска, и Шубин заметил, что город не очень пострадал от боевых действий – большинство домов стояли целые, даже стекла в окнах сохранились. И он спросил об этом своего спутника.

– А почему город не разрушен? Немцы что, без боя здесь отошли?

– Можно сказать и так, – ответил Соколов. – Мы их уже двести километров гоним, от самой Новой Калитвы. Мы уже и Оскол форсировали, и легко форсировали, без больших потерь. И к северу от нас такая же картина: там 3-я танковая армия генерала Рыбалко гонит фрицев, так что у них только пятки сверкают. Можно сказать, что противник полностью деморализован. Поэтому у нашего командования и возникли планы таких решительных действий. Но я что-то слишком разговорился: о планах вам сам генерал расскажет, как только приедем в штаб.

После того, как Шубина доставили к новому месту службы на самолете, как какого-нибудь генерала, и после того, как к трапу подали отличную машину, он ожидал, что штаб генерала Попова будет располагаться не иначе как в самом красивом здании Купянска. Однако они проехали центр города не останавливаясь и теперь двигались по окраинным улицам. Наконец машина остановилась у крепкого, но невзрачного домика.

– Не слишком большое помещение у вашего штаба, – заметил Шубин, выходя из машины.

– А нам большое и не нужно, – ответил Соколов. – Мы в Купянске долго не задержимся. Здесь останется штаб фронта, а мы уже завтра передислоцируемся в Изюм.

Они поднялись на крыльцо и вошли в штаб. Как видно, Соколова здесь хорошо знали: часовые его ни о чем не спросили, только отдали ему честь. Пройдя помещение, Соколов уверенно открыл дверь в следующую комнату и пропустил вперед Шубина. А когда они вошли, доложил:

– Товарищ генерал, капитан Шубин прибыл!

Разведчик окинул взглядом помещение, в котором оказался. Сразу было видно, что еще несколько дней назад это была какая-то контора: у стен стояли шкафы, набитые папками, в угол были сдвинуты несколько столов. О том, что здесь расположен штаб крупного военного формирования, говорили только два предмета: стенд, к которому была прикреплена большая карта местности, и отдельный столик со стоящими на нем пятью телефонами. В центре стоял стол для совещаний, за ним сидели два человека. На одном, высокого роста, черноволосом, стройном, был китель с генеральскими погонами, так что не приходилось сомневаться в том,

что именно он и есть командующий танковой группой генерал Попов, и это к нему обращался Соколов. Но и помимо формы многое говорило о том, что перед Шубиным – крупный военачальник. Волевое лицо, крепко сжатый рот, со складками у уголков, умные глаза с жестким взглядом – все выдавало в нем человека, привыкшего отдавать приказы, принимать решения, определяющие судьбы сотен людей.

На втором человеке, сидевшем за столом, был полковничий мундир, и вид у него был не такой воинственный – он был похож скорее на профессора, чем на военного. «Значит, это начальник штаба», – определил Шубин.

Человек в генеральском мундире поднял глаза и встретился глазами с Шубиным. Минуту, не меньше, он ничего не говорил, только изучал разведчика, осматривал его с ног до головы. Тут Шубин вспомнил, что на нем чужой мундир с лейтенантскими погонами, что он потный, грязный, со следом от пули на щеке. «Черт, так и не дали мне переодеться!» – подумал он с досадой.

Но вот генерал Попов закончил изучать гостя и произнес густым баритоном, почти переходящим в бас:

– Значит, это ты Шубин? Хорошо... Видишь ли, Шубин, мне нужен начальник армейской разведки. Прежний мой главный разведчик, Коля Еремин, отличный был мужик, но два дня назад неудачно подставился под немецкую пулю. К счастью, не насмерть, но месяц нахождения в госпитале ему обеспечен. А мне без главного разведчика сейчас никак нельзя – важные дела предстоят. А о тебе хорошо отзываюся с прежних мест. Прямо очень хорошо. Вот я и решил выпросить тебя у Еременко, даже не видя. Скажи: ты готов решать крайне сложные и крайне опасные задачи?

– Готов, товарищ генерал, – не задумываясь ответил разведчик.

– Значит, готов. Это хорошо. Тогда познакомься с моим начальником штаба Егором Трифоновичем Лебедевым.

Шубин шагнул вперед, и они с полковником обменялись рукопожатиями.

– Ну вот, теперь иди сюда и слушай внимательно, – продолжал Попов. – Буду объяснять тебе обстановку и ставить боевую задачу. Сведения, которые я тебе сообщу, являются совершенно секретными – как в ноябре прошлого года был секретом план наступления под Сталинградом.

Шубин подошел к карте; то же самое сделал и генерал.

– Вот, видишь, мы находимся в Купянске, – начал он свою «вводную». – А еще пять дней назад были в Новой Калитве. То есть немцы отступают вовсю, не отступают, а просто бегут. И как успел выяснить мой разведчик Коля Еремин, сил у них здесь мало. Основная сила, которая защищает весь этот район, – группа «Ланц». А у нее всего сорок тысяч бойцов! Суцая ерунда. А главное – у немцев почти не осталось танков. Вот почему у нашего командования возник план – устроить фрицам здесь, между Северским Донцом и Днепром, второй Сталинград. Окружить все их армии в этом районе и прижать к Азовскому морю. А самим выйти к Днепру и захватить плацдармы на его западном берегу. Освободить три десятка городов, и главный среди них – Харьков. Вот какой план!

– Здорово! – оценил этот замысел Шубин. – Я был в Сталинграде, участвовал в окружении группировки Паулюса. Тогда мы смогли, почему бы сейчас не повторить?

– Да, почему бы не повторить, если противник слаб? – отозвался полковник Лебедев. Он тоже встал из-за стола и присоединился к стоявшим возле карты Попову и Шубину.

– Да, если противник слаб... – повторил генерал слова своего начальника штаба и чему-то усмехнулся. – Теперь смотри, Шубин, какая боевая задача стоит непосредственно перед нашей танковой группой. Мы должны, используя плацдармы на западном берегу Оскола, нанести удар на участке от Изюма до Славянска, занять эти города, а затем развивать наступление дальше

на юго-запад. Задача – дойти вот сюда, до Лозовой, а затем и до Запорожья. Дойти и занять этот город!

– Хороший план! – снова одобрил Шубин. – Тут ведь что важно, как я понимаю? То, что можно будет перейти Днепр по льду, закрепиться на том берегу. Здорово! А моя задача, как я понимаю, – разведать немецкие силы на пути нашего наступления?

– Да, ты угадал. И тут не было бы ничего сложного, если бы не одно обстоятельство...

Генерал еще раз взглянул на карту, а затем отошел от нее, прошелся по комнате.

– Обстоятельство вот какое, Шубин, – вновь заговорил Попов. – Меня смущает поспешность немецкого отступления. Никогда еще за полтора года войны немцы так себя не вели. Они всегда цеплялись за каждый клочок земли, не отдавали ничего просто так. Почему же они теперь ведут себя иначе?

– Так ведь силы у них кончились, Маркиан Михайлович, – поспешил ответить на этот вопрос командующего его начальник штаба. – После разгрома под Сталинградом у Гитлера больше нет резервов и моральный дух немецкой армии тоже упал. Вот они и бегут, ничего тут странного нет.

– Да, вот и генерал Ватутин, командующий Юго-Западным фронтом, то же самое говорит, – кивнул Попов. – Дескать, нечего нам на противника оглядываться. Были немцы, да все вышли. А я не верю, что они вышли! Ведь недооценка противника – огромная ошибка. К тому же мой разведчик Коля Еремин незадолго до своего ранения взял одного важного языка и тот показал, что в немецкой армии ходят слухи о скором прибытии резервов. Откуда должны прийти эти резервы, пленный не знал. Но сами слухи меня встревожили. Вот почему я решил, что мне срочно необходим надежный разведчик. Такой разведчик, который может вывести все вражеские секреты. Так что уточняю твою боевую задачу, Шубин. Тебе нужно не просто узнать, как быстро немцы отступают. И не только вывести, где они намерены остановиться и строить новый оборонительный рубеж. Главное, что ты должен узнать, – это секретные планы врага. Какие резервы должны к немцам подойти? Откуда? И не устраивает ли он нам ловушку? Вот твоя задача. Понял?

– Да, Маркиан Михайлович, понял, – твердо ответил Шубин. – Я с вами полностью согласен: недооценивать немцев нельзя. Я вот сам недавно их недооценил – и в результате попался в немецкую ловушку. С трудом ноги унес, а несколько моих товарищей погибли. Так что я теперь ученый.

– Это там ты капитанскую форму на чужую сменил и в звании себя понизил? – усмехнулся Попов.

– Так точно, там, – признался Шубин.

– Ладно, это беда небольшая, форму мы тебе найдем, – пообещал генерал. – Тем более прямо сейчас она тебе не понадобится. Ведь в немецкий тыл ты в парадной форме не пойдешь...

– А когда мне на задание отправляться? – спросил разведчик. – Надо бы несколько часов для подготовки: карту получше изучить, оружие подобрать, место присмотреть, где фронт переходить... Так что лучше всего было бы отправляться к немцам завтра.

– Нет, Шубин, насчет завтра не получится, – покачал головой Попов. – Завтра мы уже должны выступить, весь корпус. Мы и так отстаем: ведь наши соседи, Воронежский фронт, уже три дня бьют немцев северней Харькова. Так что отправляться тебе надо сегодня ночью. А насчет оружия, снаряжения и всего прочего ты не беспокойся: все, что нужно, мы подберем. И место перехода покажем. Это все сделает заместитель твоего предшественника, Петр Мельник. А скажи: ты один на задание пойдешь или лучше с напарником?

– Вообще-то я предпочитаю в одиночку действовать, – признался Шубин. – Но ведь теперь мне придется на большую глубину в немецкий тыл проникать, верно?

– Да, желательно разведать территорию до самого Запорожья, – кивнул Попов. – А это около трехсот километров.

– Триста километров – большое расстояние, – сказал разведчик. – Надо будет раздобыть какой-то транспорт, обеспечить устойчивую передачу данных вам... Так что тут, пожалуй, мне без помощника не обойтись.

– Вот и я так подумал, – согласился генерал. – Кого же назначить тебе в помощники? Был бы здесь Коля Еремин, он бы вмиг кого-то из своих посоветовал. А так...

– А давайте мы ему этого самого Петра Мельника и выделим, – предложил полковник Лебедев. – Он опытный разведчик. К тому же, как я знаю, по-немецки говорит...

– А вот это очень полезно! – оживился Шубин. – Я сам по-немецки неплохо говорю, и на заданиях знание языка очень помогает. Но напарника, который тоже бы понимал язык врага, у меня до сих пор не было. А ведь если напарник тоже говорит по-немецки, действовать в тылу врага нам будет проще.

– Так-то оно так... – сказал Попов, с сомнением качая головой. – Только некоторые качества Петра меня смущают...

– А что такое? – встревожился Шубин. – Что не так с этим Петром? Может, он пьет много? Или команд не слушает?

– Команды не очень слушает, это есть, – подтвердил командующий. – А вот насчет алкоголя – этого за ним не замечено. Но я о другом говорю. Какой-то он несерьезный, этот Петр. Вечно шутит, балагурит...

– Но ведь делу его веселье не мешает? – уточнил Шубин.

– Да вроде нет, – ответил полковник Лебедев. – Во всяком случае, его командир, Еремин, на него не жаловался.

– Ну и мне его юмор не помешает, – уверенно сказал Шубин. – Пусть шутит сколько душе угодно. И вот еще какой вопрос: сколько сроку вы нам отпускаете на выполнение этого задания? К какому числу я должен его выполнить?

– Да, это важный вопрос, – согласился генерал. – Значит, смотри. Сегодня у нас первое февраля, почти уже второе, полчаса до полуночи осталось. Утром наша группа выступает, атакует противника по всему фронту. Пока что мы это делаем, еще не имея от тебя никаких разведанных. Но уже к завтрашнему вечеру я эти данные хочу получить. Так что срок тебе для доклада первых сведений, Шубин, сутки, даже меньше. А потом... Потом – как получится. До Запорожья тебе придется добираться не меньше двух дней. Так что оттуда я жду от тебя известий четвертого, даже, возможно, пятого. Ну а потом можете с Мельником возвращаться. А может, и возвращаться не придется: там, на месте, нас дождетесь. Связь будешь поддерживать по радиии, вот непосредственно с Егором Трифоновичем. Больше вопросов нет? И хорошо, что нет. Значит, ты все важное на лету схватываешь. Ступай, и удачи тебе, Шубин!

Глава 2

Из здания штаба Глеб вышел в сопровождении все того же лейтенанта Соколова. Тот слышал весь разговор, стоя в дверях, и теперь посматривал на Шубина по-другому: с уважением, как на человека, получившего ответственное задание.

– Да, трудное задание вам дали, товарищ капитан, – заметил он. – Я даже и не припомню, чтобы кому-то такое поручили: разведать путь для целой танковой группы, включающей три армии.

– Да ничего особенного тут нет, – скромно ответил Шубин. – Задание как задание. А мы сейчас куда путь держим?

– В разведотдел нашей группы, – объяснил Соколов. – Мне же надо вас с вашим напарником познакомиться.

Они миновали несколько зданий и вошли в совсем низенький, невзрачный домик, больше похожий на сарай. В окнах домишки было темно, и Шубин решил, что там все спят, придется будить. Однако когда они вошли, миновали прихожую и открыли дверь в комнату, то попали в ярко освещенное помещение. Тут горели сразу две лампы: одна, самая яркая, под потолком и еще одна – в изголовье кровати, на которой лежал какой-то человек в солдатской, как показалось Шубину, форме. А окна снаружи оставались темными, потому что изнутри были закрыты плотными шторами.

Человек на кровати не просто лежал: он занимался делом, которым не часто занимаются на фронте, – читал какую-то книгу. Увидев, что кто-то вошел, он поднял глаза от книги и взглянул на вошедших.

– Здорово, Петр! – приветствовал его Соколов. – Вот, знакомься: это твой новый начальник, капитан Шубин. Только что генерал Попов назначил его командиром разведгруппы.

Человек на кровати отложил книгу и встал. Сделал он это без поспешности, но и без демонстративной ленцы: выполнил требования воинского Устава как положено, но подобострастия перед новым командиром не выказал. Это понравилось Шубину. В общем, понравилось ему и лицо его заместителя и напарника. Лицо было какое-то мальчишеское; на вид Петру Мельнику нельзя было дать больше двадцати лет. Усы у него только начали пробиваться. Этот мальчишеский облик дополняли голубые глаза и светлые волосы. В то же время Шубин отметил запавшие щеки, морщины на лбу. Нет, его заместителю и напарнику было никак не двадцать: Шубин оценил его возраст лет в двадцать пять.

– Что ж, здравствуй, Петр, – сказал он, протянув своему будущему напарнику руку.

Понравилось Шубину и рукопожатие Мельника: вопреки мальчишескому облику оно было крепким, как у самого Шубина.

– А вас как звать, товарищ капитан? – спросил лейтенант. – А то ведь, если будем вместе на задания ходить, неудобно будет все время вот так величать: «товарищ капитан»...

– Это верно, так неудобно будет, – согласился Шубин. – Звать меня Глеб. А насчет задания, тут ты в самую точку попал: нам с тобой прямо сейчас надо отправляться на задание, причем задание это исключительной важности. Нам надо будет разведать немецкие тылы на всем пути наступления наших войск.

– Это куда же надо дойти – неужели до Изюма? – с интересом спросил Мельник.

– Нет, не до Изюма, – ответил Шубин. – Это ты мелко берешь. Надо приучаться к другим масштабам, Петр. Нам с тобой поручено произвести разведку немецких тылов до самого Запорожья.

– Ничего себе! – воскликнул лейтенант. Глаза его округлились от удивления, в то же время в них загорелись веселые огоньки при мысли о необычном задании. – Неужели прямо до Днепра пойдем?

– До самого Днепра, – подтвердил Шубин. – Если мне не веришь, вот тебе Соколов скажет.

– Да, Петр, так все и есть, – подтвердил адъютант командующего группой. – Генерал сказал, что глубина вашей разведки – триста километров.

– Ай да мы! – восхищенно произнес Мельник и pokrutil головой. – Вот так задание! А когда выступать?

– Когда? Да прямо сейчас, – ответил Глеб. – То есть сегодня ночью. А вот где переходить линию фронта и что брать с собой – это во многом решать тебе. Ты здешнюю обстановку лучше меня знаешь. Так что давай собираться.

– Что ж, собираться так собираться, – сказал Мельник.

Веселость с его лица исчезла, уступив место деловитому, серьезному выражению. Он на секунду вернулся к койке, на которой лежал, взял книгу, которую читал. Шубин успел заметить, что это был сборник стихов Сергея Есенина. Мельник убрал книгу под подушку, достал из-под койки мешок с вещами.

– Как одеваться будем, Глеб? – деловито спросил он. – Офицерская форма в немецком тылу не особо нужна. Лично я предпочитаю ходить на задания в теплых штанах и телогрейке. Эту форму я сейчас и надену. А ты как?

– Я бы тоже предпочел что-нибудь попроще, – сказал Шубин. – Только где достать такую одежду?

– Как где? У нас на складе, – ответил Мельник. – Коля Еремин, наш командир, создал при разведотделе целый склад. Там и одежда разная есть, и оружие, и две рации имеются. Пойдем, я тебе все это хозяйство покажу.

– Ну, я вижу, я вам больше не нужен, – заметил Соколов. – В таком случае пойду прилягу. Завтра будет трудный день.

Соколов ушел, а двое разведчиков отправились на склад. Здесь действительно хранилось многое, что требовалось во время рейдов в тыл врага – от одежды и оружия до фонарей, карт, компасов и блокнотов. Шубина особенно заинтересовала немецкая военная форма. Здесь ее имелось несколько комплектов. Он присмотрелся к двум комплектам: один был лейтенантским, другой – капитана вермахта. И капитанская форма была как раз того размера, который подходил Шубину.

– Знаешь, Петр, – сказал разведчик, – я, пожалуй, возьму вот эту одежду. Хотя на всякий случай захвачу и валенки. Все-таки сейчас февраль, морозы стоят. Пока будем от фрицев далеко, я в валенках похожу. А как пойду к ним на свидание, офицерские сапоги обую. Как ты думаешь?

– Но форму можно и там, за линией фронта, добыть, – заметил Мельник. – Фрицев там много, бери любого и снимай с него.

– Это, конечно, верно, но займет время, – сказал Шубин. – А его у нас с тобой мало. Генерал Попов требует, чтобы завтра к вечеру я отправил ему первое донесение. Так что я переоденусь здесь. И тебе, кстати, советую так же поступить.

И Шубин, сняв с себя форму лейтенанта, стал облачаться в немецкую форму капитана. Мельник стоял в раздумье, наблюдая за его действиями.

– А если мне немецкий мундир надевать, то какое звание себе присвоить, как ты считаешь? – спросил он.

– Я так полагаю, что два офицера, бродящие по снежным полям, могут вызвать у немцев удивление, – сказал Шубин. – Правильней тебе будет одеться рядовым. То есть ты будешь как бы при мне. Может, денщик или вестовой... Кстати, а документы у вас на складе есть?

– Слушаюсь, господин капитан! – уже по-немецки ответил Глебу Мельник. – Так точно, господин капитан! Документы имеются, и для тебя, и для меня. Вот, смотри: капитан вермахта

Пауль Гангут из Кёльна, командир пехотной роты. Это, значит, ты. А вот и мои бумаги: рядовой этой роты Вальтер Файнхальс. Так что я переодеваюсь.

И он тоже переделся в немецкую форму, только рядового. Затем разведчики стали собирать снаряжение. Не забыли ничего: взяли пистолеты «вальтер», запас патронов к ним, шесть штук гранат, рацию, компас, карту, ракетницу, запас продуктов на два дня... Сборы заняли больше часа. Наконец все было готово. Шубин взглянул на часы: шел третий час ночи.

– Что ж, теперь надо решать, где будем переходить линию фронта, – сказал он. – У тебя есть какие-то соображения на этот счет?

– Тут никаких особых соображений не нужно, – ответил на это Мельник, – потому что линии фронта как таковой нет. Ты же слышал: немцы удирают не останавливаясь, даже не пытаются рыть окопы, минировать поля. Можно направляться в их тыл в любом месте, где понравится. Тут важно не где переходить фронт, а где мы хотим оказаться в немецком тылу. Какая у нас легенда? Кого мы будем изображать? Офицера, потерявшего в ходе отступления свою часть, и его последнего солдата?

– Нет, такая легенда нам совершенно не годится, – ответил Шубин. – Офицер, потерявший в ходе отступления всю свою часть, будет рассматриваться как дезертир, со всеми вытекающими последствиями. Я глазом не успею моргнуть, как окажусь в тюрьме. Ну а тебя на фронт пошлют. Нет, легенда у нас будет другая. Я послан из штаба фельдмаршала фон Манштейна на передовую, чтобы изучить положение дел. Изучить положение, узнать, в чем нужда, и донести эту информацию до штаба группы «Юг».

– Точно! Отличная легенда! – воскликнул Мельник. – Это позволит нам собирать нужные сведения на совершенно законных основаниях. Нас ведь и правда за этим послали – изучить положение дел. Только командир у нас другой... Так... Если мы говорим, что приехали из Запорожья, то нам надо появиться в немецких частях, прикатив с запада. Значит, надо незаметно пересечь расположение ближайших немецких частей, углубиться в их тыл как можно дальше, а затем повернуть и прибыть, допустим, в Изюм уже с запада. Так пойдет?

– Пойдет, – кивнул Шубин. – Но для этого нам с самого начала потребуется транспорт. Мотоцикл, а еще лучше машина.

– Что ж, значит, будем искать машину, – кивнул Мельник. – Стало быть, нам надо находиться ближе к трассе. Допустим, нужно выйти на шоссе Изюм – Славянск и там искать нужный транспорт. Такой план подходит?

– Вполне, – кивнул Шубин. – Считай, что мы согласовали план на весь сегодняшний день. Как пройти к этому шоссе, знаешь?

– Конечно знаю, – ответил Мельник. – Эту часть немецкого тыла я уже изучил. Ну что, идем? А точнее, едем?

– Как это – едем? – удивился Шубин.

– А так. У нас в нашей танковой группе так заведено, что у разведчиков есть своя машина. Она к нашему разведотделу приписана. Так что мы сейчас разбудим водителя Гену, и он отвезет нас до того места, где уже небезопасно, где можно на немцев нарваться. А это довольно далеко. Так что нам не придется топтать два часа, напрасно теряя время.

Так они и поступили. Мельник сходил в соседний дом, разбудил спавшего там водителя Геннадия, тот завел мотор, и спустя десять минут разведчики переехали Оскол и покатали на запад. Ехали они в старой, чиненой-перечиненой машине еще дореволюционного выпуска, которая нещадно дребезжала и все время грозила развалиться на ходу, но все же ехали, а не шли пешком.

Так они проехали, пожалуй, километров двадцать, после чего водитель Геннадий вдруг спросил:

– А не хватит, лейтенант?

Вокруг была непроглядная темень, в которой нельзя было разглядеть никаких характерных примет местности. Но Мельник, однако, как видно, что-то разглядел, потому что ответил:

– Пожалуй, ты прав. Стоп машина. Пора выходить.

Он первым вылез из таратайки, за ним вышел и Шубин. Водитель развернулся и укатил обратно, в Купянск. Когда глаза Шубина привыкли к темноте, он понял, что они находятся в лесистой, сильно изрезанной местности, где было полно оврагов и холмов. Эти места совсем не были похожи на степи, в которых в последние полгода довелось воевать Шубину.

Он определил по компасу направление, вспомнил карту местности, которую знал наизусть, и сказал:

– Нам туда, вон по тому оврагу. Или твое знание местности говорит что-то другое?

– Ничего оно не говорит, – отозвался Мельник. – Я в этом месте всего один раз был. А дальше еще не заходил. Так что тут ты командуй. У тебя, как я понимаю, опыта больше.

Опыта у Шубина и правда было больше, поэтому он не стал возражать. Они подхватили свои мешки и стали спускаться в овраг.

Полтора часа разведчики шли по оврагу, потом выбрались на открытое место, прошли через лес... И когда прошли через него и вышли на опушку, Шубин услышал впереди звук автомобильного мотора.

– А вот и шоссе, – произнес Мельник, который вышел на опушку вслед за Глебом. – Ну что, капитан, пойдем голосовать? Вдруг кто согласится нас подбросить? Кстати, а нам куда надо: на север или на юг? В Изюм или в Славянск?

– Командование ждет от нас сведений о ближайшем месте нахождения противника, – ответил Шубин. – Стало быть, нам нужно сначала в Изюм. А потом уже будем двигаться на юг и на запад. Ну а если говорить серьезно, то нам все равно, в какую сторону идет машина. Ведь мы не собираемся в самом деле голосовать!

– Нет, почему же? – возразил Мельник. – Для начала все же придется помахать руками. Иначе как мы заставим их остановиться? Если мы сразу стрелять начнем, потом в этой машине ехать нельзя будет. Нет, у нас последовательность такая: сначала руками машем, потом стреляем.

И разведчики направились к шоссе. Прятаться они не собирались – наоборот, встали так, чтобы их было видно издали. Было еще темно, ночь только еще переходила в утро, и машин на шоссе было мало. Однако оба разведчика были людьми опытными, они привыкли подолгу ждать. Вот и сейчас они топтались на морозе, приседали, размахивали руками, чтобы согреться, и никто из них не жаловался на затянувшееся ожидание.

Первая машина показалась только через полчаса, и шла она на юг, в сторону Славянска. И к тому же это был грузовик, а на кой он им сдался? Следующая была легковушка, и хотя она тоже шла на юг, разведчики замахали ей руками, призывая остановиться. Однако водитель даже не притормозил.

– Какие они нечуткие, эти поклонники великого фюрера! – пожаловался Мельник. – Видят же, что офицер стоит, мерзнет. Нет чтобы остановиться, поговорить...

– ...лоб под пулю подставить... – в тон ему продолжил Шубин. Он тоже умел поддерживать шутку.

После легковушки некоторое время ехали только грузовики – и на юг, и на север. Видя такое дело, Шубин уже решил плюнуть на идею с захватом легковой машины. «Если в кабине грузовика будет только водитель, без офицера, надо такую машину останавливать, – решил он. – Попросим подбросить до Изюма, а уже там будем искать транспорт. Водитель не станет расспрашивать офицера, почему он торчит тут на морозе, откуда он тут взялся».

И едва он принял такое решение и сообщил об этом своему напарнику, как с юга, со стороны Славянска, показалась легковая машина. Шубин шагнул чуть ли не на середину шоссе и властным командирским жестом поднял руку. Такое решительное требование нельзя было

не выполнить. И водитель «Опеля» его выполнил. Машина свернула к обочине и остановилась. Опустилось стекло заднего сиденья, и сидевший там полковник выглянул и спросил:

– Что вы здесь делаете, капитан? Почему стоите на шоссе? Где ваша часть?

Это были совершенно естественные вопросы в такой ситуации. Любой немец должен был их задать. Ясное дело, что никакого разумного ответа на такие вопросы у Глеба не было. Да он и не собирался отвечать ни на какие вопросы. Широко улыбнувшись, он шагнул к машине, склонился к открытому окну и произнес:

– Приветствую вас, господин полковник! Что я здесь делаю? Да вас ждал. Ждал, ждал – и вот дождался!

С этими словами разведчик выставил перед собой пистолет и выстрелил в грудь немца. В ту же секунду Мельник распахнул дверь переднего пассажирского сиденья и выстрелил в водителя. Оба немца были убиты наповал. Разведчики, не сговариваясь, подняли головы, посмотрели направо, налево. Больше машин на шоссе пока видно не было. Тогда, так же молча, не произнося ни слова, напарники полезли каждый в карманы к убитым немцам и стали искать документы. Шубин нашел их сразу, в боковом кармане кителя, Мельнику понадобилось чуть больше времени. Они положили документы, пока не заглядывая в них, в свои карманы. Затем, все так же молча, вытащили убитых из машины и поволокли в сторону от шоссе.

Разведчикам не нужно было советоваться, обсуждать, что надо делать. Они оба были людьми очень опытными, и каждый знал, как надо поступить в такой ситуации. В первую очередь требовалось избавиться от трупов, потом сесть в машину и возобновить движение. Тогда, если по шоссе проедет еще какая-то машина, сидящие в ней немцы не обратят внимания на стоящий у обочины «Опель» и у них не возникнут ненужные вопросы.

Они стащили трупы в ближайший овражек, наспех закидали их снегом и бегом возвратились к машине. Мельник сел на место водителя, Шубин – на место пассажира, и машина тронулась с места.

– Так, теперь посмотрим, что тут у нас за бумаги... – произнес Шубин, доставая документы убитого полковника. – Так, полковник танковых войск Курт Вессель... Какой частью командует, здесь не сказано. Имеет награду – «Железный крест»... А у тебя что?

– На, возьми посмотри, – сказал Мельник, передавая напарнику бумаги. – Я еще не смотрел.

Глеб развернул солдатскую книжку водителя и прочитал:

– Рядовой второго полка сорок восьмой танковой дивизии вермахта Себастьян Курц. Наград нет, никаких пометок больше нет.

– И хорошо, что нет, – отозвался Мельник. – У меня, правда, уже есть документы, я их из нашей папки в разведотделе взял. По тем бумагам я – рядовой Вальтер Файнхальс. Но эти бумажки, на имя Курца, я тоже сохраняю. Мало ли что – может, пригодятся. Слушай, а может, тебе нужно было твоего полковника из мундира вытряхнуть, а мундир себе взять? Стал бы ты полковником Весселем. К тебе гораздо больше было бы уважения... Смотри, если передумаешь, мы еще можем вернуться – отъехали недалеко...

– Ага, конечно! – отозвался Шубин. – Скажешь еще – «больше уважения»! Откуда мы знаем, где стоит часть этого полковника и какая это часть? Скорее всего, она в Изюме и стоит, и он в нее возвращался. Приехали бы мы в Изюм, глянули бы на меня сослуживцы господина Весселя и очень бы удивились: чего это их командир так помолодел? А даже если бы я не встретился с его сослуживцами, все равно эта легенда не годится. Ну какой из меня полковник? Слишком молод. Нет, лучше я останусь капитаном Паулем Гангутом, как и намечал. Я уж и биографию этого Гангута наизусть выучил.

После этого в машине надолго установилось молчание. Шубин задремал – надо было хоть немного поспать перед трудным днем; а Мельник выполнял свои водительские обязанности. Но вот впереди показались первые здания Изюма, и Мельник спросил:

– Куда в городе поедem?

Шубин ответил в ту же минуту, словно и не спал:

– Ясное дело, в штаб. Ведь я посланник фельдмаршала Манштейна, мне нужно получить точную и свежую информацию. А где можно получить такую информацию? Только в штабе.

– Штабе чего? Какой воинской части?

– Не важно. Все равно какой. Как только въедешь в город, спросишь у первого же встреченного солдата, где здесь штаб. Заодно узнаем у него, какие части здесь стоят. Может быть, тут несколько штабов расположено.

– Понял вас, герр капитан! – ответил Мельник, входя в роль исполнительного немецкого рядового. – Будет выполнено!

Глава 3

Они миновали мост через Северский Донец, и дорога пошла в гору. Изюм, расположенный у слияния двух рек – Донца и Оскола, – был местом не только живописным, но и крайне важным со стратегической точки зрения. И понятно, почему генерал Попов и в целом командование Юго-Западного фронта так стремились овладеть этим пунктом. Отсюда можно было развивать наступление как на юг, вдоль Северского Донца, на Славянск и далее на Сталино, так и на запад, в сторону Днепра.

На улицах было полно немецких солдат. Вообще складывалось такое впечатление, что местных жителей в городе не осталось – видно было только немцев. Правда, большая часть этих солдат куда-то спешила, почти бежала, так что у Мельника не возникало желания их о чем-то спрашивать.

Наконец, завидев немолодого солдата, который никуда не спешил, Мельник остановился возле него и спросил, как проехать к штабу.

– А к какому штабу вам нужно? – уточнил рядовой.

– А какие штабы здесь сейчас есть? – в свою очередь спросил Мельник.

– Вон там, дальше по главной улице, расположен штаб сорок восьмой танковой дивизии, – начал объяснять рядовой. – А на том конце города есть штаб двенадцатой механизированной дивизии. Вам кто нужен?

Мельник, в свою очередь, обернулся к Шубину и громко, чтобы слышал немец, спросил:

– Господин капитан, какой штаб нам нужен?

– Разумеется, танковый, Вальтер! Как ты плохо соображаешь! Нам нужен штаб сорок восьмой танковой дивизии.

– Ну, тогда вам недалеко, – сказал рядовой. – Минут через десять езды будет ваш штаб, аккуратно на правой стороне.

Машина двинулась дальше и действительно спустя несколько минут остановилась перед двухэтажным зданием из красного кирпича. Над входом развевался нацистский флаг, в здание входили и выходили люди. Казалось бы, Шубину тоже надо было спешить внутрь, однако он не торопился.

– Слушай, Петр, – сказал он Мельнику, – пойди поболтай вон с теми солдатами, что стоят в стороне. Постарайся у них узнать, кто командует этой сорок восьмой дивизией, кто там начальник штаба, как зовут командиров полков. А потом вернешься и мне расскажешь, что узнал.

– Ну да, понимаю, – кивнул Мельник. – Если ты приехал сюда прямо от Манштейна, то ты обязан знать имя командира дивизии и его подчиненных. Сейчас пойду, сделаю за тебя всю твою работу.

Разведчик вышел из машины и направился к группе солдат, на ходу доставая пачку сигарет. Подойдя, он попросил прикурить и протянул пачку немцам – берите, мол, угощайтесь. Спустя минуту, попыхивая сигаретой, Петр Мельник втянулся в солдатскую беседу.

Разговаривал Петр долго – минут пятнадцать, не меньше. Шубин уже начал злиться из-за задержки. Но вот кого-то из участников разговора позвали к машине, другому тоже надо было уйти, и кружок распался. Мельник вернулся к «Опелю», сел на свое место и заявил:

– Ну, я все узнал. Командир сорок восьмой дивизии – генерал-майор Клаус Аппель. Начальником штаба у него барон Иоганн фон Бюдов – по словам солдат, жуткий придира и зануда. И я узнал имена двух командиров полков. Вторым полком командует Генрих Шварц, а третьим – Зигфрид Мюллер. О первом полке речь как-то не зашла, а мне было неудобно спрашивать.

– А что ты вообще там так долго торчал? – не мог не высказать свое недовольство Шубин.

– Так ведь это не допрос, господин капитан, – наставительно заметил Мельник. – Тут ни о чем нельзя прямо в лоб спрашивать. Все можно узнать только исподволь. А такой разговор требует много времени. Но у такого способа сбора сведений есть и свое преимущество: в разговоре о новой кастелянше да о злом фельдфебеле, который солдатам проходу не дает, вдруг можно услышать нечто важное...

– И что ты услышал? – нетерпеливо спросил Шубин. – Говори, не тяни!

– Услышал я вот что, – сказал Мельник. – Солдаты говорят о каких-то резервах, о большом соединении, которое должно подойти к ним со дня на день. Только спорили, откуда это соединение пришлют. Одни говорили, что из Северной Африки, что это танкисты Роммеля, а другие были уверены, что эти части придут из Польши. Вот какие сведения.

– Да, это информация важная, – согласился Шубин. – Однако пора и мне идти, свои разговоры вести.

Он снял валенки, в которых ходил все утро, натянул офицерские сапоги. На голову надел фуражку с высокой тульей. Еще раз осмотрел себя в автомобильное зеркало, поправил отвороты кителя – и вышел из машины.

Держась необычайно прямо и надменно, разведчик поднялся на крыльцо, открыл дверь и вошел в здание штаба. Здесь у входа во внутренние помещения стоял часовой. Он еще не успел остановить незнакомого офицера, спросить его, кто он такой, как Шубин, опередив его, властным и твердым тоном спросил:

– Как мне пройти к господину генерал-майору Аппелю? У меня к нему срочное дело от фельдмаршала.

Он нарочно не стал произносить имя Манштейна – в группе армий «Дон», недавно переименованной в «Юг», все и так знали имя командующего. Шубин говорил только самое нужное, всем своим видом показывая, что он из тех, кому некогда вести долгие разговоры. Он хотел произвести на часового и на всех немцев, с которыми ему сегодня еще придется встретиться, нужное впечатление.

И он его произвел. Часовой не стал спрашивать у незнакомого офицера его имя. Он вытянулся по стойке «смирно» и ответил:

– Кабинет господина Аппеля находится на втором этаже, господин капитан.

Шубин еле заметно кивнул в ответ и направился к лестнице. Так, никем не остановленный, он дошел до приемной командующего сорок восьмой дивизией. Там его остановил адъютант генерал-майора, который спросил, кто он такой.

– Я капитан Гангут. Прибыл из Запорожья по личному приказу фельдмаршала Манштейна с целью выяснить ситуацию на фронте и передать господину генерал-майору новые секретные сведения.

Звучали слова внушительно и произвели нужное впечатление на адъютанта. Тот скрылся в кабинете и буквально через несколько секунд вернулся обратно.

– Проходите, господин капитан! – сказал он. – Господин Аппель вас ждет!

Шубин вошел в кабинет командующего 48-й танковой дивизией с таким видом, будто это был его собственный кабинет и он всю жизнь беседовал с разного рода генералами и маршалами. Генерал-майор Аппель поднялся навстречу личному посланнику фельдмаршала Манштейна. Кроме командующего, в кабинете находился также высокий, необычайно худой полковник с брезгливым выражением лица. Шубин понял, что это и есть высокомерный начальник штаба дивизии барон фон Бюдов. Он вскинул руку в нацистском приветствии, после чего обратился к Аппелю:

– Мне поручено передать вам информацию от господина фельдмаршала. Но передать ее строго конфиденциально! А также доложить в Запорожье о положении на вашем участке фронта.

– Рад слышать, что у фельдмаршала есть для меня какие-то сведения, – ответил Аппель. – Что же до положения на фронте... Да вы садитесь, капитан. Да, познакомьтесь с моим начальником штаба. Капитан Гангут – полковник барон фон Бюдов.

Шубин церемонно раскланялся с надменным полковником и сел к столу.

– Итак, что касается положения на фронте, – вновь заговорил Аппель, – то оно аховое. Мы не можем сдержать натиск русских. У нас не хватает снарядов, не хватает солдат – и совсем нет танков. Мне только что доложили, что русские начали новое наступление от Купянска. Мне нечем их сдерживать. Так что уже сегодня мы будем вынуждены отступить на юг, к Славянску. Мне бы хотелось получить от командования армии точные инструкции, как действовать дальше. Должны ли мы стараться любой ценой удержать рубеж по Северскому Донцу или мы можем отступать, чтобы сохранить дивизию? Но еще больше мне хотелось бы получить от фельдмаршала известие о том, что к нам направлено подкрепление. Может быть, вы привезли мне именно эти известия, капитан?

В ответ Шубин с важным видом кивнул и заговорил:

– Вы угадали, господин генерал-майор. Мне поручено передать вам, что в самое ближайшее время на фронт придут части из резерва Главного командования.

Тут заговорил начальник штаба полковник фон Бюдов.

– Ага, значит, эти слухи оказались верны! – воскликнул он. – К нам придут целая армейская группа из трех дивизий!

Его слова удивили не только Шубина, но и командующего 48-й дивизии.

– Вот как? – изумился он. – Вы мне этого не говорили, Йоганн! Откуда у вас эти сведения?

– У меня есть хороший знакомый в Берлине, в рейхсканцелярии, – стал объяснять начальник штаба. – Он мне недавно звонил и сказал, что нам в помощь во Франции формируется целая армейская группа. Кажется, она будет состоять из трех танковых дивизий. Я не стал вам об этом говорить, потому что эти сведения были пока недостоверные...

– Но теперь, как я понимаю, эти сведения готов подтвердить сам фельдмаршал Манштейн? – воскликнул генерал-майор Аппель, обращаясь к «капитану Гангуту». Шубину не оставалось ничего другого, как ответить на этот вопрос утвердительно.

– Да, господин генерал-майор, – сказал он, – я готов подтвердить правдивость этих сведений. Фельдмаршал просил передать вам, что подкрепление, о котором говорил господин фон Бюдов, придет в Запорожье со дня на день. Поэтому пока вы можете не очень беспокоиться об обороне. Можно отступать, беречь силы. А когда подойдут свежие резервы, мы погоним русских обратно.

– Разумное, очень разумное распоряжение! – одобрил командующий дивизией.

– Мне осталось узнать, какие снаряды, какого калибра вам требуются, – сказал Шубин, доставая блокнот и карандаш. – И я сейчас же поеду обратно, чтобы передать эти данные в штаб группы войск.

Полковник фон Бюдов продиктовал Шубину требуемые сведения, которые разведчик тщательно записал. Затем он встал и откланялся, всем видом показывая, как он торопится. Он и правда торопился: полученную информацию надо было как можно скорее передать в штаб генерала Попова.

Когда разведчик вышел в приемную, он с удивлением увидел в ней... Петра Мельника, нагруженного двумя вещмешками. Увидев Шубина, выходящего из кабинета, он вскочил.

– Хорошо, что вы уже вышли, господин капитан! – воскликнул он. – Тут возникло срочное дело. Идемте, я вам скажу.

По лицу Мельника было видно, что дело действительно срочное. И Шубин, не тратя времени на вопросы, вышел с ним в коридор и только здесь прошептал на ухо напарнику:

– Что стряслось? Почему ты здесь, да еще с мешками?

– Беда, капитан! – так же тихо ответил ему Мельник. – Кажется, немцы нас раскрыли.

– Как это – «раскрыли»?

– А так. Примерно полчаса назад я заметил, что какой-то лейтенант расхаживает возле нашей машины. А потом он подошел ко мне и стал спрашивать, кто я такой и откуда мы приехали. Ну, я уверенно ему отвечаю, что приехали мы из Запорожья и что мой командир сейчас беседует с самим генералом Аппелем. Но только потом этот лейтенант исчез, а чуть позже снова появился, а с ним двое рядовых, и по виду – водилы. И стали они уже втроем вокруг нашей машины ходить и к ней приглядываться. В общем, я думаю, что эти люди знали убитого нами полковника Курта Весселя. Вполне возможно, что они его сослуживцы. И они узнали его машину по номеру, а еще, пожалуй, по каким-то характерным приметам. И когда я это сообразил, то пригляделся получше и вижу – а у нас оба сиденья, и переднее, и заднее, в крови. Темно было, мы кровь и не заметили, не оттерли. Как только я это сообразил, так сразу схватил оба вещмешка, и свой, и твой, и бегом сюда. Минут пять уже сижу в приемной. А они, скорее всего, за мной в штаб пошли, ищут меня повсюду. Но заглянуть в приемную генерала не догадались. Так что к машине нам теперь хода нет. Да и вообще из штаба не выйти: кто-нибудь из этих троих наверняка на выходе стоит. Что будем делать?

– Что делать? – задумчиво повторил Шубин. – А ты не знаешь, из этого здания есть второй выход?

– В том-то и дело, что нет! Я успел, спросил солдат, пока с ними там разговаривал.

– В таком случае сделаем вот что. Разыграем сцену «поимка русского шпиона». Значит, тебя разоблачили как убийцу полковника Весселя и его водителя? Стало быть, нужно срочно доставить тебя в гестапо. Давай мне оба мешка. А теперь поднимай руки вверх и иди вперед.

С этими словами Шубин достал пистолет, наставил его в затылок своему напарнику и повел его к лестнице, на ходу покрикивая:

– Иди, иди, русская гиена! Убийца! Скоро ты за все ответишь!

На лестнице им встретились двое возбужденных солдат – по всей видимости, тех самых, которые узнали угнанную машину Весселя. Увидев, как Шубин ведет Мельника, один из них спросил:

– Значит, вы его задержали, господин капитан?

– Как видишь, рядовой, – ответил Шубин. – Ведь я контрразведчик, я давно охотился за этим убийцей. Не мешай, рядовой, дай пройти.

Так, уже вчетвером, они спустились вниз и вышли из штаба. Окружающие с любопытством оглядывались на них. Возле машины стоял какой-то лейтенант, который сжимал в руке «вальтер». Видимо, это был тот самый лейтенант, который первым опознал машину и поднял тревогу. Увидев, как Глеб ведет Мельника, он удовлетворенно кивнул, спрятал пистолет в кобуру и обратился к Шубину:

– Хорошо, что вы его задержали. Куда вы его сейчас?

– Куда же девают таких молодчиков? – отозвался Шубин. – В гестапо, конечно. – А Мельнику скомандовал: – Садись в машину, негодяй! Вот сюда, назад. Я рядом с тобой сяду. Да не вздумай дергаться: я тебя мигом пристрелю!

А солдату, встреченному на лестнице, приказал:

– Ты, я вижу, водитель. Не отвезешь нас в гестапо?

– На машине полковника Весселя? – спросил солдат.

– Да, прямо на ней. Чтобы доказательство его преступления было рядом.

– Конечно отвезу! – с готовностью заявил солдат и сел за руль.

Он уже завел мотор и приготовился отъезжать, когда бдительный лейтенант вдруг что-то вспомнил и обратился к Шубину:

– Господин капитан! Этот мерзавец говорил, что у него есть сообщник в чине капитана. И что он вошел в здание штаба.

– Ну, так идите, лейтенант, и поищите его! – приказал Шубин. – Ищите лучше! И этих людей с собой возьмите!

И он показал на нескольких солдат, стоявших вокруг машины. Лейтенант с радостью кинулся выполнять приказание. Площадка перед штабом опустела. Машина отъехала и помчалась по улице.

– А далеко до гестапо? – спросил Шубин у бдительного водителя.

– Нет, господин капитан, всего три квартала, – отвечал тот.

– Отлично! – сказал Шубин. – Впрочем, нам не нужно ехать все эти три квартала, нам и одного хватит.

– Почему? – удивился рядовой.

– А вот почему, – ответил Шубин, приставил пистолет к затылку водителя и скомандовал:

– Прими к обочине и затормози.

А когда тот, обомлев от страха, выполнил команду, обратился к Мельнику:

– Ну-ка, Петя, проверь, все ли у этого парня в порядке с головой.

– Сейчас проверю, – отозвался Мельник.

После чего, коротко размахнувшись, ударил водителя в висок. Солдат обмяк и упал на сиденье. Шубин вышел из машины и огляделся. Немцев на улицах не было. Их внимание привлекали звуки канонады, которые доносились с востока и становились все слышнее. Очевидно, танковая группа генерала Попова перешла в запланированное наступление.

И все же вытаскивать водителя на улицу здесь было нельзя – такое событие тотчас бы заметили. Поэтому Шубин только затолкал потерявшего сознание немца на переднее сиденье, сам сел за руль и повел машину дальше. На первом же перекрестке он повернул направо и поехал назад – в ту сторону, откуда они прибыли в Изюм. Но на главную улицу он выезжать не стал – так и ехал по окраинным улочкам. Тут они тряслись по ухабам, зато никто не всматривался в окна машины, не интересовался, кому раньше она принадлежала.

Наконец, уже за городом, они выехали на шоссе. Здесь Шубин и Мельник поменялись местами, и Петр быстро повел машину. Так они ехали несколько минут, потом Мельник спросил:

– А с ним что будем делать? – Он кивнул на водителя. – И вообще, какая наша дальнейшая тактика?

– Прежде всего нам нужно передать полученные данные в штаб, – ответил Шубин. – Поэтому присмотри первое удобное место, где можно остановиться, чтобы нас не видели с дороги, и притормози. Там же избавимся от этого бдительного фрица. Живой он нам не нужен, это точно.

– А с машиной как? Она теперь меченая, долго ею пользоваться нельзя. Немцы небось уже передали наши данные всем своим постам в округе...

– Конечно передали. Но немцам сейчас не до нас. Наши танкисты за них всерьез взялись. Так что мы можем ехать на этом «Опеле» по крайней мере до Славянска. Там придется его бросить. Будем искать другой транспорт. А может, придется выдавать себя за кого-то другого. Что, здесь решил свернуть?

– Да, здесь, мне кажется, подходящее место, – ответил Мельник, сворачивая на узкую проселочную дорогу.

Они проехали по ней сотню метров и остановились. Деревья надежно скрывали их от машин, проносящихся по дороге. Шубин спешно наладил рацию, а затем составил радиogramму следующего содержания: «В Изюме стоят две части: 48-я танковая дивизия и 12-я механизированная. В частях большая нехватка солдат. Также не хватает снарядов следующих калибров...» И Шубин перечислил те калибры, которые ему продиктовал начальник штаба фон Бюдов. А в конце радиogramмы он написал: «Слухи о скором прибытии в этот район

немецких подкреплений подтверждаются. Немцы ожидают прибытия трех танковых дивизий». Теперь данные можно было передавать.

Пока Шубин работал с рацией, Мельник решил вопрос с немецким водителем. Он вытащил его из машины, нанес ему удар ножом в сердце и зарыл в куче снега. Неотложные дела были сделаны, можно было ехать дальше.

Глава 4

День уже клонился к вечеру, когда разведчики подъехали к окраине Славянска. Впереди показался немецкий КПП, и оба разведчика приготовились к самому худшему. Однако когда они приблизились к контрольному пункту вплотную, выяснилось, что он пустой.

– Слияли фрицы, – констатировал Мельник. – Может, они уже и из Славянска сбежали?

Однако он ошибся. Когда разведчики достигли первых домов города, они увидели, что немецкие саперы строят здесь земляной вал, оборудуют огневые точки. Саперам помогали люди в разномастной форме: здесь были интенданты, артиллеристы и даже медики. Дорога была перекопана, на ней стоял знак «Объезд», стрелка указывала направо.

– Нет, Петр, наши враги просто так не намерены сдаваться, – сказал Шубин. – Они будут драться. И, скорее всего, они передвинули КПП дальше в город. И там нашу машину могут осмотреть, и у часовых могут возникнуть вопросы.

– И что мы будем им отвечать? – поинтересовался Мельник.

– А ничего не будем, – заявил Шубин. – Дело в том, что я решил не въезжать в Славянск. На кой он нам сдался? Повторять трюк, который я проделал в Изюме, – явиться к командиру самой большой части и объявить себя посланцем Манштейна – не стоит. Надо менять методы работы. Повторять все время один и тот же прием – верный путь к провалу. И потом, что мы можем узнать в их штабе? Главное мы и так знаем. Немцы не собираются сдавать город без боя, они строят на окраине укрепленные позиции. Людей им явно не хватает: видел, кого они нагнали на строительство укреплений? Только артистов там не хватало. Так что еще одну радиogramму в штаб я могу отправить прямо сейчас. А чтобы собрать более подробные сведения, нам нужно проехать дальше Славянска. А главное – необходимо сменить обличье. Я должен стать как минимум майором. А ты, допустим, ефрейтором. Или, скажем, фельдфебелем.

– Против фельдфебеля не возражаю, – сказал Мельник. – И куда мы в таком случае едем?

– Минуем их новый КПП и поедem на запад, – скомандовал Шубин. – Нам нужно в Барвенково, а еще лучше – в Лозовую. Это крупная станция, ее немцы просто так не отдадут. Нет, за Лозовую они будут драться до последнего. А там уже близко Запорожье, где расположен Манштейн со своим штабом. Там мы можем получить самую свежую, самую важную информацию. Итак, едем в Лозовую.

– Как скажете, герр капитан, – сказал на немецком языке Мельник. – В Лозовую так в Лозовую!

Спустя несколько минут дорога свернула налево, к въезду в город. И там глазастый Мельник действительно разглядел шлагбаум и возле него солдат. Там стоял новый КПП. Но разведчики туда не поехали. Мельник свернул направо, проехал еще сотню метров по ухабистой дороге и вырулил на шоссе, ведущее на запад, в Лозовую, и далее – в Запорожье.

Движение на шоссе было оживленное, и Мельнику некогда было глядеть по сторонам. А вот Шубин внимательно вглядывался в машины, идущие в обе стороны. Как он вскоре заметил, на запад из Славянска шли в основном машины с красными крестами на боку: видимо, немцы вывозили из города раненых, эвакуировали госпитали. А навстречу шли грузовики с солдатами или другие грузовики, забитые какими-то ящиками. Это подтверждало предположение Шубина о том, что противник собирается бороться за Славянск и посылает в город подкрепления в живой силе, а также, по всей видимости, боеприпасы. Танки в Славянск не шли, артиллерии тоже заметно не было. Это могло означать только одно: ни того ни другого у немецкого командования в запасе не было.

– Ну-ка, Петр, останови вон в тех кустах, – скомандовал Шубин. – До ветру надо сходить.

Однако когда Мельник остановил машину, где ему сказали, разведчик не спешил выходить из нее. Он вновь настроил рацию и передал в штаб генерала Попова новое сообщение. Он

информировал командование, что немцы собираются удерживать Славянск, но сил для этого у них мало: нет ни танков, ни артиллерии в необходимом количестве. Противник не уверен, что сможет удержать город, поэтому эвакуирует из него всех раненых. Закончив передачу данных, Шубин сложил рацию, и машина продолжила путь к Лозовой.

Два донесения, отправленные в этот день Шубиным, добавили командованию отдельной танковой группы уверенности. В результате наступление советских войск в этот день развивалось по нарастающей. Генерал Попов, как и его начальник штаба, обратили внимание на первое донесение, в котором сообщалось о том, что к немцам вот-вот подойдет подкрепление. Но, поскольку это подкрепление еще не появилось даже в Запорожье, сдерживать из-за него движение советских войск, строить линию обороны не имело смысла. Поэтому весь день 2 февраля три дивизии группы Попова наступали. Они выбили противника из Изюма, а в ночь на 3 февраля начались бои на окраинах Славянска. К утру сопротивление врага было сломлено, советские танки ворвались в Славянск. После короткой передышки советские части двинулись дальше – на Лозовую, а затем на Запорожье. В то же время войска Воронежского фронта стремительным броском окружили немецкие войска в Харькове. Группа «Ланц» попала в такой же котел, как до этого 6-я армия Паулюса в Сталинграде...

Разумеется, ничего этого Шубин и Мельник не знали. Поздним вечером 2 февраля они подъехали к Лозовой. Когда впереди показались первые дома станции, Шубин сказал:

– Стоп машина. Тут нам ехать нельзя. Тут никакого хаоса, вызванного отступлением, нет, и на нашу машину будут смотреть очень внимательно. А нам их внимание не нужно. Поэтому давай-ка ты ищи какой-нибудь проселок, проулок, по которому мы можем въехать на станцию незамеченными.

– Так, может, лучше вообще машину здесь где-нибудь бросить и войти на станцию пешком? – предложил Мельник.

– Так тоже можно. Но попробуем все же проехать.

И Мельник попробовал. Свернув с трассы, он некоторое время двигался вдоль железнодорожных путей. Потом нашелся переезд, и машина под удивленным взглядом стрелочницы переехала на другую сторону путей. Поплутав еще некоторое время по переулкам, разведчики выехали на главную улицу поселка. Здесь Мельник остановился.

– Вот, все сделали, как вы приказали, господин капитан, – сказал он. – Были и проселки, и проулки, и теперь мы в самом центре. Куда дальше?

– Дальше... – задумчиво проговорил Шубин. – Дальше, я думаю, мы пойдем пешком. Машина нам больше не понадобится. Приткни ее где-нибудь в сторонке, чтобы она глаза не мозолила, и пусть стоит.

– Будет сделано, – отозвался Мельник.

Он проехал немного вперед и остановил «Опель» возле какого-то забора. Разведчики забрали из автомобиля свои вещи и вышли.

– И куда мы пойдем пешком? – задал Мельник новый вопрос.

– Куда? – отозвался Шубин. – Думаю, на вокзал. Лозовая – крупная станция. Здесь всегда стоит много эшелонов. И если мы ходим по вокзалу, потолкаемся на перроне, можем услышать много чего любопытного. А если мы чего не услышим, не поймем, там, на вокзале, можно будет взять «языка» и хорошенько его допросить. Поэтому – вперед, на вокзал. Вон, видишь того служивого? По-моему, ему курить хочется. Угости его сигаретой, а заодно спроси, где здесь вокзал и есть ли на вокзале столовая для господ офицеров.

Мельник сделал, как велел Шубин, и вскоре вернулся с нужными сведениями.

– Вокзал направо, не так далеко, – сообщил он. – Столовая там имеется, но общая – и для офицеров, и для солдат. И кормят там неважно. Но другого места, где можно поесть, здесь нет. Сам этот солдат – артиллерист. Говорит, что их полк прибыл сюда позавчера, их перебросили из Польши. Велели окапываться, строить прочные оборонительные сооружения.

– Гляди – пошел покурить, а вернулся, весь нагруженный разведданными, – заметил Шубин. – И это только один разговор! Что же тогда на вокзале будет?

И разведчики направились в ту сторону, куда им указал солдат. Когда дошли до вокзала, выяснилось, что Шубин угадал: эшелонов здесь стояло и правда много. На перронах и в самом здании вокзала толпилось множество военных из разных родов войск. Здесь были и артиллеристы, и танкисты, и пехотинцы, и даже летчики. Вдруг Мельник толкнул своего напарника в бок.

– Смотри, Глеб! – шепнул он ему на ухо. – Видишь вон тех парней в черной форме?

– Вижу, конечно, – отозвался Шубин. – Хочешь сказать, что это гестаповцы?

– Нет, не гестаповцы, – отвечал Мельник. – Взгляни на их лацканы. Видишь значки в виде молнии? Тебе это ни о чем не говорит?

– Точно! – отозвался Шубин. – Это ты здорово заметил. Это эсэсовцы! Вопрос только в том: это какая-то небольшая часть или подразделение какого-то крупного формирования? Пойди потолкайся возле них. Может, услышишь их разговоры или сам с ними поговоришь. А я пойду на перрон, погляжу, может, где-то стоит эшелон, на котором прибыли эти ребята.

И разведчики разошлись. Шубин, как и сказал, вышел на перрон. Рядом с вокзалом стоял эшелон с пехотным полком. Про этих пехотинцев Шубин уже успел узнать все необходимое: они, как и давешний собеседник Мельника, артиллерист, прибыли из Польши и теперь направлялись ближе к Славянску с задачей сдержать наступление советских войск. Эсэсовцев здесь видно не было. Тогда Шубин пролез под вагоном и оказался на втором пути. Здесь стоял эшелон с танками. Возле каждой платформы виднелся часовой, и было ясно, что разговаривать с незнакомым офицером эти часовые не станут. Шубин еще раз нырнул под вагон и оказался уже на третьем пути. И здесь он наконец увидел то, что искал. На третьем пути станции Лозовая стоял эшелон, возле которого прохаживались часовые в черной эсэсовской форме. Шубин вылез из-под вагона как раз возле одного из них. Часовой сразу направился к нему.

– Что вы здесь ищете, господин капитан? – жестко спросил он.

– Двенадцатую артиллерийскую бригаду, – ответил Шубин. – А почему вы, солдат, разговариваете с офицером, словно я ваш подчиненный? Вы что, устав не знаете?

– Как раз я его хорошо знаю, – заявил часовой, сверля Шубина взглядом. – И вы должны знать, что войска СС находятся под особой юрисдикцией. А также вы, я надеюсь, видите, что перед вами солдат СС. Так идите же обратно и ищите своих артиллеристов в другом месте.

Продолжать разговор с этим цербером значило навлекать на себя еще большие подозрения. И Шубин послушно нырнул обратно под вагон, потом еще под один и вернулся к вокзалу. Петр Мельник уже ждал его чуть в стороне.

– Ну, что тебе удалось узнать? – нетерпеливо спросил Шубин напарника.

– Могу ответить коротко: ничего, – заявил Мельник. – Эти ребята в черной форме – на редкость неразговорчивые. Они и между собой почти не общаются. А когда ты начинаешь их о чем-то спрашивать, вообще смотрят на тебя зверем. Ничего они мне не ответили. И куревом их бесполезно угощать – у них своего полно. А ты что узнал?

– Только то, что эшелон этих неразговорчивых парней стоит на третьем пути, – сказал Шубин. – И он тщательно охраняется. Итак, мы знаем, что в Лозовую прибыл целый эшелон эсэсовцев. И это все наши данные. Немного! Мы не знаем, что это за часть, откуда она прибыла, какая перед ней стоит задача, кто ею командует... Ничего не знаем! Значит, нужны дополнительные усилия, чтобы получить недостающие сведения.

– Одним словом, нужен «язык», – заключил Мельник. – Ну и где мы будем его брать? Пойдем туда, на третий путь?

– Нет, к эшелону мы не пойдем, – покачал головой Шубин. – Там мы можем узнать только одно: насколько метко эсэсовцы умеют стрелять. У нас есть только один шанс захватить «языка»: проследить вот за этими двумя десятками солдат, что находятся на вокзале, и

поймать кого-то из них, когда они будут возвращаться к эшелонам. Я думаю, что их сюда, на вокзал, отправили за пищей. А может, за кипятком. Сейчас они получают все необходимое и пойдут обратно. Мы должны быть наготове.

Разведчики вышли из здания вокзала и стали снаружи поджидать, когда эсэсовцы, эти элитные солдаты германской армии, направятся к своему эшелону. Пока они ждали, Шубин сообразил, что у него был еще один способ получить информацию об эсэсовском эшелоне – спросить у машиниста, куда они едут. Но для этого надо было как-то исхитриться и выйти к паровозу, минуя эсэсовских часовых. «Ну, раз я этого не сделал, чего теперь жалеть, – подумал Шубин. – Скоро мы и так все, что нужно, узнаем от языка. Хотя я и сам догадываюсь, куда они едут. Наверняка их эшелон идет на восток, в сторону Славянска, как и остальные».

Разведчики ждали не слишком долго. Прошло минут двадцать, и из здания вокзала вышли все двадцать солдат в черной форме. Теперь они были тяжело нагружены: кто-то нес мешки с буханками хлеба, другие тащили тяжелые фляги с горячей едой.

– Будем брать языка между первым и вторым эшелонами, – шепнул Шубин напарнику. – Там будет удобнее всего. Пошли, займем позицию.

И разведчики нырнули под вагон эшелона, стоявшего на первом пути. Затаились в тени вагонов следующего эшелона и стали ждать. Вот послышались голоса, и на насыпь между двумя путями вышли первые носильщики. Они не ныряли под вагонами (с тяжелым грузом это было трудно сделать), они воспользовались тормозной площадкой одного из вагонов. Вот первые четверо спустились на насыпь, нашли подходящую площадку во втором эшелоне, забрались на нее. За ними прошли еще двое и еще... На насыпь между двумя составами вышли два последних солдата. Один был высокий, плотный, настоящий здоровяк, второй – пониже и поуже в плечах.

– Берем тощего, – шепнул Шубин напарнику. – Он будет «языком». Бери его на себя. А я завалю здоровяка.

И он вытащил из-за голенища нож.

Здоровяк, которого предстояло уничтожить Шубину, нес флягу, по всей видимости, с супом. А тощий тащил мешок с хлебом – может быть, не такой уж тяжелый, но для этого парня, явно не силача, он был серьезной ношей, он под ней так сгибался, что ничего вокруг не видел. И он не увидел Мельника, когда тот вынырнул из тени вагона, подскочил к своей жертве и стукнул солдата ребром ладони по шее. Тощий выронил мешок и сам повалился на снег.

Шубин, огибая упавшего, ринулся на здоровяка с флягой. Он нацелился нанести ему тоже один удар – только не рукой, а ножом в печень. И уже сделал короткое, но мощное движение рукой – однако его нож встретил пустоту. Здоровяк оказался неожиданно ловким. Он бросил свою флягу и отскочил. Шубин кинулся за ним вдогонку, но высокий эсэсовец вновь уклонился и при этом левой рукой нанес разведчику удар в шею. Шубина отбросило в сторону, он едва удержался на ногах. А здоровяк подскочил к Мельнику и замахнулся, чтобы и ему нанести удар. Но Мельник умел драться, он был опытный боец. Он, в свою очередь, уклонился от удара здоровяка и рванулся в сторону, чтобы зайти к нему со спины. А Шубин напал на эсэсовца спереди. Теперь ему вроде бы некуда было деваться. Однако здоровяк снова сумел вывернуться, и при этом он заорал во всю глотку:

– Ко мне, на помощь! Тут русские! Внимание, тут русские!

Он кричал так, что, наверно, на вокзале было слышно. Послышался топот сапог, и на тормозной площадке показалась голова солдата, ушедшего последним перед этими двумя. Было ясно: продолжать схватку не имеет никакого смысла. Захват «языка» не удался, теперь речь шла о том, как самим унести ноги. Разведчики поняли это мгновенно, без обсуждений.

Действовать скрытно уже не имело смысла, поэтому Шубин выхватил пистолет и выстрелил в здоровяка (тот упал, зажимая руками живот), потом в того, кто готовился спрыгнуть

с тормозной площадки (не попал, солдат уклонился от пули), и они с Мельником кинулись бежать по насыпи между вагонами.

Вряд ли бы они смогли убежать, если бы эсэсовцы были вооружены. Но те, идя за удовольствием, видимо, оставили свои автоматы в вагоне. Поэтому они могли просто гнаться за разведчиками и звать на помощь других солдат, которые были вооружены.

Убегая, разведчики выстрелили по разу в своих преследователей, и один из них упал, остальные немного отстали. Но в любую минуту справа или слева могли выскочить солдаты из других эшелонов, уже с винтовками, и тогда положение разведчиков стало бы просто отчаянным.

Пробежав еще метров пятьдесят, Шубин вдруг резко свернул влево, на тормозную площадку одного из вагонов.

– Ты куда? – крикнул Мельник. – Там же стоит эсэсовский эшелон!

– Нет, не должен здесь стоять, он короткий! – ответил Шубин и прыгнул на другую сторону площадки.

Он оказался прав – здесь было пусто, огни паровоза, только что прицепленного к эшелону эсэсовцев, виднелись в нескольких метрах слева. Шубин не раздумывая бросился к этому паровозу. Мельник не понимал, что делает его командир, но ни о чем спрашивать не стал.

Глеб добежал до паровоза и быстро взобрался в кабину машиниста. Увидев лезущего к нему в кабину немецкого капитана с рассеченной скулой, машинист оторопел. А Шубин на чистом русском языке спросил у него:

– Куда идет эшелон – на Славянск?

– Нет, почему на Славянск? – удивился машинист. – Мы на Горловку едем, а оттуда на Сталино...

– На Горловку? – изумился Шубин.

Это была важная информация, может быть, важнейшая за весь сегодняшний день! Значит, эсэсовцев перебрасывали не навстречу войскам генерала Попова, а намного южнее. Но зачем, почему?

– А еще эшелоны с эсэсовцами были? – продолжал допытываться Шубин. – Сегодня, например, или вчера?

Машинист сообразил, что этот странный человек в немецкой форме, так хорошо говорящий по-русски, не может быть немецким офицером.

– Были еще два эшелона, – ответил он, торопясь. – Вчера вечером один, а сегодня – другой. Оба ушли к Харькову.

– К Харькову... – повторил его слова Шубин. – Понял. Спасибо, дед, за важную информацию. Ты помог Красной Армии!

– Всегда рад помочь! – отозвался машинист.

Шубин, уже собравшийся было снова прыгнуть на землю, остановился.

– Всегда рад, говоришь? – спросил он.

– Да, если надо, я помогу, – заверил Глеба машинист. – И помощник мой, Степан, и Егор, конюх, – они тоже ребята надежные.

– А вы когда отправляетесь?

– Да уж минут семь, как зеленый горит, – ответил машинист. – Давно должны отправиться, да что-то диспетчер семафор не поднимает. Какая-то задержка.

– А это из-за нас задержка, – сообщил Шубин. – Но сейчас, я думаю, отправят. А ты можешь, дед, нас с товарищем немного прокатить? До ближайшего полустанка?

– Почему не могу? Могу, – ответил машинист. – Только не в кабине. Сюда сейчас кто-нибудь из немцев зайдет. Они обязательно нас сопровождают, следят. А если вы на них того... нападете, значит, на нас в таком случае подозрение упадет.

– Нет, мы на немцев здесь нападать не будем, – заверил старика Шубин. – Мы будем сидеть тихо. Сейчас я товарища позову, и ты нас проводи куда-нибудь, где мы сможем затаиться.

Он высунулся наружу и махнул рукой Мельнику, призывая его подняться в кабину. Спустя минуту Петр поднялся к Глебу. И машинист повел их наружу, к угольной яме, в которой хозяйничал кочегар Егор – перекидывал уголь ближе к паровозу.

– Вот сюда, в угол, садитесь, – скомандовал машинист. – Я вас рогожей прикрою, а Егор сверху угля накидает. Вас и не увидят. Конечно, при такой перевозке вы обязательно в угле перепачкаетесь, но тут уж ничего не поделаешь.

– Ничего, мы грязи не боимся, – сказал Мельник.

Друзья выполнили требование, сели возле кучи угля, и кочегар закидал их с головой. И вовремя: на паровоз уже поднимались двое эсэсовцев с автоматами в руках. Они прошли по всем отсекам паровоза, побывали и на тендере, но ничего подозрительного не заметили. После чего они устроились в кабине, туда же перебрался кочегар. Он подбросил в топку побольше угля, машинист перевел рычаг, паровоз взревел и двинулся вперед. Сначала медленно, а затем все набирая скорость, состав покатился на юг, в сторону Горловки.

Глава 5

Сидя в тендере паровоза под кучей угля, Шубин не терял времени. Он лихорадочно сопоставлял полученную за последний час информацию, обдумывал, что она может значить. Ему было необходимо составить третье донесение в штаб генерала Попова и в этом донесении точно представить планы врага.

Итак, на Донбасс прибыли эсэсовские части. Пока еще он, Шубин, не установил, откуда они прибыли и что это за части. Но уже ясно, что они могут изменить соотношение сил в этом районе. Ведь войска СС – это элитные подразделения немецкой армии, их всегда направляют на самые трудные участки фронта.

Это было первое. А второе, эти войска направлялись не в сторону Славянска, откуда наступала Красная Армия, а далеко в стороны. Если верить словам старого машиниста (а не верить им у Шубина не было оснований), немцы укрепляли не свое самое слабое направление, а фланги. Зачем? Это было странное, нелогичное решение, но оно наверняка имело какое-то объяснение. Это объяснение надо было срочно найти, чтобы разгадать планы врага.

И тут Шубин вспомнил ноябрь прошлого года, время, когда он прибыл в штаб Сталинградского фронта. И как начальник штаба, ставя перед ним задачу по разведке румынских и немецких позиций, объяснял, что советские войска не случайно собираются на флангах немецкой группировки в Сталинграде. Командование собирает основные силы не на Мамаевом кургане, не на заводе «Баррикады», а к югу и к северу от города, чтобы в нужный момент нанести решающий удар и замкнуть немецкую армию в кольцо. Что, если и здесь немцы задумали нечто подобное? Что, если они готовят советским войскам ловушку?

При мысли о таком варианте развития событий Шубина пробил холодный пот. Надо срочно предупредить командование о такой возможности. Но правда ли у немцев есть такой замысел? Что, если Шубин все это выдумал? Если ему только мерещатся коварные планы врага? Тогда цена ошибки может быть очень высокой...

Но как бы там ни было, им с Мельником необходимо продолжать разведку. Радиограмму он, конечно, отправит и в ней сообщит о прибытии в Лозовую эсэсовских частей и о том, куда они направились – в Горловку и на Харьков. Но никаких выводов делать не будет. Выводы генерал Попов и его начальник штаба полковник Лебедев сами могут сделать. А им с Мельником надо теперь разведывать не устройство немецкой обороны на станции Лозовая, нет, им не нужно возвращаться в Лозовую. Им нужно отправиться в самый центр немецкой армии в Украине – в Запорожье, в штаб фельдмаршала Манштейна. Только там они смогут узнать о замыслах врага, о его силах.

Как они проникнут во вражеский штаб, Шубин пока не знал. Даже мыслей на этот счет пока никаких не было. Но это была важнейшая задача на данный момент. Это был их долг. А Шубин не привык уклоняться от выполнения долга. И он знал: если поставит перед собой какую-то задачу, даже самую трудную, – обязательно ее выполнит.

До ближайшего полустанка состав шел долго, почти час. За это время Шубин успел все как следует обдумать.

Но вот состав замедлил ход, а потом и вовсе остановился. Разведчики осторожно выглянули из-под скрывавшей их рогожи. Состав стоял на каком-то полустанке. Темно было – хоть глаз выколи. Лишь где-то далеко в стороне, как видно возле здания станции, горела одинокая лампочка. В ее свете можно было разглядеть стоящие по соседству составы. Ни часовых, ни каких-то других людей поблизости видно не было.

Не говоря ни слова, Шубин махнул Мельнику рукой – давай, мол, вылезать. И оба разведчика выбрались из кучи угля, спустились с паровоза, перебрались на соседний путь и по

нему зашагали к зданию станции. С эсэсовского состава их не заметили, и уже это было большой удачей.

Подойдя ближе к свету, разведчики осмотрели друг друга. Машинист был прав: путешествие под кучей угля оставило на них свои следы. Их лица и руки были перепачканы углем, и на мундирах тоже повсюду были пятна от угля. Кроме того, у Мельника был разорван воротник, а у Шубина, как выяснилось – порван рукав. Ну и на скуле багровел кровоподтек. В таком виде показываться на глаза немцам и выдавать себя одному за офицера, а другому за солдата было невозможно.

– Как я вижу, перед нами сейчас стоит первостепенная задача – помыться и переодеться, – заявил Шубин. – А уже потом можно будет строить дальнейшие планы. Но до бани нам надо передать очередное донесение. Вон там я вижу какую-то будку. Если устроиться рядом с этой будкой, можно будет развернуть рацию.

Так они и сделали. Пристроившись у стены каменного сооружения, Шубин достал рацию, настроил ее и передал в штаб сообщение, которое составил в уме, еще пока ехал на тендере паровоза. В нем шла речь об укреплении станции Лозовая, об артиллеристах и пехотинцах, которых отправляют в сторону Славянска для укрепления обороны. А также Шубин сообщал о появлении в этом районе эсэсовских частей, которые направляются на фланги наступающих советских войск. В конце донесения Шубин сообщал, что они с напарником собираются пробраться в Запорожье, чтобы лучше узнать о планах немцев.

Закончив передачу, Шубин собрал рацию и сказал:

– Ну, теперь пришла пора взяться за наш внешний вид. Мне кажется, нам следует дезертировать из рядов вермахта и на время превратиться в гражданских лиц.

– Полностью поддерживаю, – отозвался Мельник. – Как мне надоело быть фрицем, сказать не могу! Долой этот проклятый китель!

И он сорвал с себя сначала немецкую солдатскую шинель, а затем и китель.

– А теперь, если надеть простую рубаху, то я вполне могу сойти за гражданское лицо, – продолжил Петр.

И он достал из своего вещмешка поношенную рубашку. Китель он скомкал и засунул в густые кусты, а с шинели спорол все нашивки, знаки различия – и она стала похожа на обычное пальто.

– А ты, однако, запасливый товарищ, как я погляжу, – сказал Шубин, наблюдая за превращениями напарника. – А у тебя, часом, не найдется еще одной такой же рубашки?

– Почему же не найдется? – откликнулся Мельник. – Если я, как ты говоришь, человек запасливый, то у меня все должно найтись.

И он достал из мешка вторую такую же рубаху. Шубин тоже скинул китель с погонами капитана и надел рубаху. После этого он тоже спорол со своей шинели немецкие нашивки и снова ее надел. Превращение разведчиков в гражданских лиц было закончено.

– И какие будут наши дальнейшие действия? – спросил Мельник. – Будем ждать эшелон, который идет назад, в сторону Лозовой? Ведь мы там не все до конца разведали...

– Нет, Петр, в Лозовую мы возвращаться не будем, – сказал Шубин. – Эту местность мы отработали. У нас теперь другая цель – Запорожье. Но прежде чем туда отправляться, надо приодеться и хотя бы немного отдохнуть. Ведь в наших шинелях мы только в темноте можем сойти за гражданских. А как только рассветет, нас остановит первый же полицейский патруль. Нет, нам надо полностью изменить свой облик.

– И где же ты это думаешь сделать? – недоверчивым тоном спросил Мельник. – Предлагаешь зайти в какой-нибудь дом на этом полустанке и занять у хозяев пару полушубков, валенки да еще какую-нибудь одежду в придачу? Занять, так сказать, без отдачи?

– О чем ты говоришь? – возмутился Шубин. – Нет, так мы действовать не будем. Одно дело, когда мы нападаем на немцев, грабим их и убиваем. Они – захватчики, с ними нечего

перемониться. И совсем другое дело – наши люди, мирные жители. Какую-нибудь тряпку у них взять без спроса – это одно. А грабить – это уж извини. Нет, мы можем только попросить или купить. Деньги-то немецкие у нас есть...

– И то верно, – спохватился Мельник. – Нам же в штабе выдали приличную сумму. Давай тогда, излагай свой план.

– План простой, – сказал Шубин. – Мы действительно ищем дом, где хозяева не спят. А такие дома должны найтись – скоро ведь утренняя дойка начнется. Заходим в такой дом и излагаем вот какую легенду. Мы – строители из Запорожья. Два месяца назад немцы нас мобилизовали на строительство оборонительных сооружений на Северском Донце, а также мостов на реке Оскол. Мы там им много чего понастроили, нам за это деньги заплатили. И даже свои немецкие шинели выдали. Но тут началось наступление Красной Армии, немцы драпанули и нас с собой потащили. Теперь мы хотим скорее вернуться домой, в Запорожье. Но вернуться нам хочется не в этих шинелях, а в нормальной одежде. И мы за нее готовы заплатить. Как тебе легенда?

Мельник пожал плечами:

– Ничего, сойдет. Как говорится, на безрыбье и рак рыба. Тут, конечно, могут возникнуть вопросы. Например, почему мы, молодые люди, строители, не были призваны в Красную Армию? Или почему не ушли с нашими, а дождались немцев? Так что вопросы могут быть. Но лучше все равно ничего не придумаем, так что сойдет. Пошли искать двор, где горит огонек.

И разведчики отправились на поиски такого двора. Дальше все прошло на удивление гладко. Хозяйке, задававшей сено корове, разведчики изложили свою легенду и слезно попросили продать хоть какую одежонку. И эту просьбу подкрепили немалой суммой рейхсмарок. Вид денег хорошо подействовал на хозяйку. Никаких вопросов она задавать не стала, а сразу пошла будить невестку (мужчин в доме не было) и рыться в сундуках. И когда спустя полчаса разведчики покинули дом этой хозяйки, они были одеты уже не в драные немецкие шинели, а в добротные, хотя и старые полушубки. Также они приобрели шмат сала и буханку хлеба. Что же касается их желания вернуться в «родное Запорожье», то выяснилось, что для этого им все же придется вернуться в Лозовую и там сесть на поезд, идущий в Запорожье.

Когда уже стало светать, напарники сумели незаметно сесть в грузовой состав, идущий в сторону Лозовой. И утром они вернулись на станцию, откуда накануне вечером им пришлось спешно бежать. И последствия этих вечерних событий были хорошо видны: по вокзалу ходили эсэсовские патрули, которые проверяли документы у самих немцев, в том числе у офицеров. Особое подозрение вызывали офицеры в чине капитана.

Шубин и Мельник не были немцами, на них была обычная гражданская одежда, поэтому патрули их не останавливали. Но могли остановить в любой момент. А ведь никаких документов на «строителей из Запорожья» у напарников не было. Поэтому Шубин решил отказаться от первоначального плана ехать в Запорожье на грузовом поезде под видом строителей. Надо было придумать что-то другое. И надо было срочно обзавестись новыми документами. Поэтому он дал знак Мельнику, и они незаметно покинули район вокзала и ушли в район частных домов, где не ходили немецкие патрули.

– Вот что, Петр, – сказал он, убедившись, что немцев поблизости нет. – Нам надо снова устроить охоту на немецкие машины.

– На машины или на их пассажиров? – уточнил Мельник.

– Нам и то, и другое нужно, – ответил Шубин. – При чем звание капитана мне уже не подходит. Думаю, фашисты уже по всей армии разослали информацию о каком-то русском, который выдает себя за капитана вермахта. Так что теперь я должен стать майором, не меньше. Ну а ты, соответственно, будешь моим водителем.

– Задание понятно, – сказал Мельник. – Значит, нам опять нужна машина с пассажирами. Значит, нам снова нужно выходить на трассу. Только вот какое дело: как же мы будем

останавливать немецкие машины, будучи одеты как русские? Ведь с точки зрения тех, кто едет по трассе, мы будем выглядеть знаешь как кто? Как партизаны. И ни один немецкий водитель, увидев нас, не остановится. Наоборот, только скорости прибавит.

– Это ты верно говоришь, – согласился Шубин. – Значит, выходить на трассу мы можем только ночью или в сумерках. Ну а день потратим на то, чтобы выйти к трассе и выбрать подходящее место для засады.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.